

Лу Цяньтан присел на корточки:

— Итак, господин евнух, будьте благоразумны. В любом случае вам уже предъявлено обвинение в покушении на жизнь наследника престола. Если вы умрёте, разве вашей семье будет хорошо?

Евнух вскрикнул от отчаяния и начал рыдать:

— Если я расскажу, они всё равно не выживут!

Лу Цяньтан смягчил тон:

— Не беспокойтесь, господин евнух. Если вы всё честно расскажете, вы спасёте мне жизнь. Вашу мать и сестру я возьму под свою опеку. Пока я жив, никто не посмеет их обижать.

Евнух с презрением посмотрел на него:

— Ты? Ты всего лишь... мелкий чиновник, которому не доверяют. Кого ты можешь переубедить! Почему я должен тебе верить!

Лу Цяньтан улыбнулся в ответ:

— Конечно, вы можете мне не верить. Но мои обещания — это не пустые слова. Если я умру, они пойдут за мной, и это тоже не пустые слова. Вы можете не верить, но когда мы все окажемся в загробном мире, вы поймёте, насколько правдивы мои слова.

Евнух тяжело дышал, долго молчал, а затем с трудом выдавил:

— Ты... ты лучше сдержи своё слово!

Лу Цяньтан успел передать показания в последний момент, даже не успев переодеться, и отправился на аудиенцию к императору. Когда он вышел из зала Шиань, то почувствовал, будто только что вернулся с того света. В разгар зимы он был весь в поту.

От него несло запахом тюрьмы и крови, а подол одежды был пропитан ледяным холодом. Лу Цяньтан стоял у входа в зал, встряхнул рукава и поднял взгляд на небо Ингао.

Вернувшись в «Цяньлицзуй», он увидел встревоженную Чжаньчжань. У девушки были красные глаза, и она заплакала, увидев его:

— Господин, наконец-то вы вернулись! Что с вами случилось?

Лу Цяньтан погладил её по голове:

— Не плачь, я не ранен. Сначала подготовь мне воду для купания, от меня пахнет тюрьмой.

Чжаньчжань кивнула, поспешно вытерла слёзы и побежала греть воду.

Чжао Цзин только что вернулся с улицы и, стремительно подойдя, хлопнул его по плечу:

— Что случилось? Я всё слышал. Всё было нормально, зачем император тебя мучает?

Лу Цяньтан ответил:

— Давай поговорим внутри. Мне как раз нужно кое-что тебе поручить.

Они зашли в комнату, закрыли дверь, и Лу Цяньтан сел, выглядя измождённым:

— Я уже обратился к императору с просьбой отправить меня на северо-западную границу с князем Ляном после праздников. Этих девушек и слуг я могу доверить только тебе.

Чжао Цзин удивился:

— Разве ты уже не выполнил это задание? Почему император хочет тебя отправить?

Лу Цяньтан усмехнулся:

— Намерение императора было казнить меня у ворот Умэнь. Если бы не... Если я не уеду, это будет самоубийством.

Чжао Цзин всё ещё был в шоке:

— Как это вдруг...

Лу Цяньтан махнул рукой:

— Всё в порядке, я могу выжить где угодно. Но ты больше не можешь оставаться здесь. Император уже отвернулся от меня, и я боюсь, что потяну тебя за собой. Просто надеюсь, что ты не дашь этим девушкам и парням страдать, позаботишься о них. Если придёт время их свадеб, можешь решать за меня.

Чжао Цзин выглядел мрачным:

— Если бы я знал, что так будет, тебе лучше было бы остаться учеником, и тебя бы не загнали в такой угол.

Лу Цяньтан лишь улыбнулся, думая про себя, что каждый шаг был вынужденным.

Лу Цяньтан сказал:

— Пока не говори им, иначе Чжаньчжань снова будет плакать без остановки.

Чжао Цзин кивнул и помолчал некоторое время:

— Почему ты не поедешь с главнокомандующим Шань в Лянъянь — разве ты не скучаешь по Лянъяню?

Пальцы Лу Цяньтана, державшие чашку, замерли, и он опустил голову:

— Я не могу вернуться в Лянъянь.

Чжао Цзин был в недоумении, но Лу Цяньтан снова поднял голову и улыбнулся:

— Всё в порядке, везде одинаково.

Если бы он осмелился произнести слова «Лянъянь», он, вероятно, не вышел бы за ворота императорского дворца.

Чжаньчжань постучала в дверь:

— Господин, вода готова.

Лу Цяньтан ответил:

— Я не спал три дня, смертельно устал. Сначала приму ванну и переоденусь.

Он посмотрел на Чжао Цзина:

— Чжао Цзин, я хочу курицу в листьях лотоса.

Чжао Цзин встал:

— Хорошо, я прикажу приготовить.

Император сказал, что он может отдыхать дома, но это было лишь завуалированное отстранение от должности. С тех пор как он появился перед императором, он готовился к этому дню, вопрос был лишь во времени.

Чжаньчжань все эти дни хлопотала, готовясь к дню рождения господина, который был на двадцать седьмой день двенадцатого месяца. Лу Цяньтан смутно вспоминал многие события из детства, и последний такой шумный день рождения казался ему событием из прошлой жизни.

В двадцать седьмой день они шумно праздновали до полуночи, и когда все уже собирались расходиться, внезапно появился незванный гость.

Чжао Цзин первым пришёл в себя и поспешно встал, чтобы поклониться:

— Его Высочество князь Цзинь.

Чжаньчжань, выпив немного вина, была пьяна и едва держалась на ногах. Лу Цяньтан поддерживал её и, подняв взгляд, увидел холодные, но красивые глаза князя. Он не мог отпустить Чжаньчжань и не встал, лишь сказал:

— Ваше Высочество, что привело вас сюда?

Слуги, поняв намёк, утащили всех пьяных, и в зале остались только они двое.

Сяо Цинму поставил на стол две бутылки вина:

— Пришёл выпить с тобой.

Лу Цяньтан улыбнулся, открыл бутылку:

— Ваше Высочество принёс действительно хорошее вино.

Сяо Цинму посмотрел на него некоторое время:

— Ты отправляешься в Лянгунь.

Лу Цяньтан, наливая вино, ответил:

— Да, Ваше Высочество пришёл попрощаться заранее?

Сяо Цинму схватил его за руку, и Лу Цяньтан вздрогнул, пролив вино на стол.

Сяо Цинму смотрел на него с глубоким взглядом:

— Ты давно знал, что император расследует тебя, знал, что не сможешь предоставить чёткого происхождения. Почему тогда ты вообще появился перед императором? Ты ищешь смерти?

Лу Цяньтан поставил бутылку и с усмешкой посмотрел на него:

— Разве это неясно? Разве не потому, что слишком ясно, Лу Цяньтан должен умереть?

Пальцы Сяо Цинму, держащие его руку, сжались сильнее:

— Ты знал и всё равно пришёл на смерть!

Лу Цяньтан ласково сжал его пальцы и улыбнулся:

— Но ведь есть Ваше Высочество. Я не умру.

Взгляд Сяо Цинму стал ледяным:

— Тот день, когда ты оставил меня ночевать у себя, был ради этого?

Лу Цяньтан внезапно наклонился и поцеловал его в уголок губ:

— Ваше Высочество слишком красив, я не смог устоять.

Сяо Цинму резко оттолкнул его, и Лу Цяньтан упал на стул, едва удержавшись на столе, и поднял взгляд:

— Ваше Высочество, не злитесь так. Если вы пришли выпить, давайте сначала выпьем, а потом разберёмся. Если вы хотите свести счёты, я готов.

Лу Цяньтан взял бутылку и запрокинул голову, выпивая вино. Жидкость стекала по его шее, пропитывая воротник. Он громко поставил бутылку:

— Я знал, что император, узнав, убьёт меня. Но император любит Ваше Высочество, и если вы будете заботиться обо мне, у меня будет шанс выжить. Так что спасибо, Ваше Высочество.

Сяо Цинму схватил его за воротник:

— Тебе лучше замолчать.

Лу Цяньтан отвёл его руку:

— В прошлый раз я сказал, что император — моя опора, но это была ложь. Он никогда мне не доверял, потому что моя фамилия Лу, и этого достаточно, чтобы его раздражать.

Лу Цяньтан, шатаясь, встал:

— Ваше Высочество знает, что резиденция маркиза Динбэй была уничтожена десять лет назад, но я появился в Ингао пять лет назад. Вы знаете, чем я занимался в те годы?

Лу Цяньтан снова выпил и швырнул бутылку, которая разбилась с громким звоном:

— Я собирал тела солдат Лянъяня, брошенных нашим императором, каждый день.

Лу Цяньтан посмотрел на него, улыбаясь, но в его глазах была ледяная глубина:

— Мне тогда было страшно, я не хотел прикасаться к этим телам. Мой наставник сказал, что я не должен бояться, не должен бояться изуродованных тел, потому что они все были героями Лянъяня, героями Великой Ци.

Лу Цяньтан открыл ещё одну бутылку, налил вино и пролил его на стол:

— Я не понимал, почему герои заканчивают так. Я даже не смог найти тело моего отца среди этих обезображенных солдат...

Сяо Цинму схватил его за запястье, и Лу Цяньтан перестал лить вино, глядя на него:

— Ваше Высочество, живя в глубинах дворца, вы, вероятно, не поймёте, каково это — переворачивать тела в заснеженных степях Сайна...

— Мой наставник говорил, что не нужно ненавидеть, это судьба солдата — умереть за страну. Но почему император даже не захотел похоронить их тела? Мой дед, мой отец, вся резиденция маркиза Динбэй, весь Лянъянь, отдавшие все силы для защиты Великой Ци, почему они должны были умереть неполноценными!

* «Пара нефритовых запястий, на которых спали тысячи, и капля алой губ, которую жевали десятки тысяч» — цитата из пьесы «Следы зубов».

<http://bllate.org/book/16145/1445887>